

Бычевский Александр

Борцы с
ОДИНОЧЕСТВОМ

Бычевский Александр
Борцы с одиночеством

«Автор»

2026

Александр Б. И.

Борцы с одиночеством / Б. И. Александр — «Автор», 2026

В Китае на всё есть обряд. Например, «минхунь» — брак для умершего. Похоронное бюро, способное найти для такого союза подходящую партию, может сорвать куш. И, конечно, в погоне за выгодой нарушается десяток законов. Амбициозный Лижэнь, работник такого бюро, решает перевернуть дело века и заманивает в Китай знаменитую модель Лиз Эмерсон. Спустя несколько недель после пропажи, обеспокоенный отец нанимает эксцентричного детектива Жоашена Пэна. Тот в компании меланхолического друга-писателя отправляется в Китай. Но не всё так просто, чтобы найти живую модель, нужно сначала найти бюро, через которое её заказали. Но бюро бесследно исчезло. Расследование превращается в абсурдную гонку за призраками.

© Александр Б. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Бычевский Александр Борцы с одиночеством

Ещё минуту назад сомнения не сковывали движений, а теперь даже тяжело моргнуть. Слишком уж красивая вывеска на двери: «Борцы с одиночеством».

Лижэнь часто фантазировал, как станет одним из них, но, оказавшись у двери, ему хотелось сбежать. Он ощущал себя слишком шуплым и липким. Вокруг не было ни тени дерева, ни навеса, чтобы укрыться от палящего солнца. Не было и автобуса, чтобы вернуться домой. Не было вообще ничего, что могло бы помочь.

Дверь распахнул широкий мужчина. Обернувшись, он крикнул:

– Проклятое жульё, столько просить за урны! – тут же мужчина презрительно оглянул Лижэня. – А ну, брысь, щенок!

Лижэнь уже собрался сбежать, но старик, стоявший за прилавком, поманил рукой. Увидев его добрый взгляд, Лижэнь нерешительно замер в дверном проёме.

– Лижэнь, проходи-проходи, не стой в дверях, давай-давай, – старик с роскошной шевелюрой подкупал добротой.

Ещё одно малюсенькое сомнение, и наконец-то Лижэнь шагнул внутрь, в место, о котором слышал от деда столько раз, что даже и не знал, чего ожидать: разочарования из-за того, что всё оказалось не таким, каким рассказывал дед, или радости – от того, что всё оказалось не таким, как он рассказывал.

Свет тысячи солнц разливался по полу, но зачерпнуть его не давали стражи-манекены. Какой-то злой шутник нарисовал им нахмуренные брови и мелкие глазёнки, от которых негде спрятаться. Входящие в бюро, надеялись, что манекены моргнут – и тогда можно будет пройти вглубь зала. Но Лижэнь зашёл так далеко не для ожидания вечности. Он моргнул сам и прыснул вперёд, чем рассмешил старика.

Окружили каскады стеллажей, охраняемые пухлыми стражами-свечами, вооруженными копьями благовоний. Это единственное место во всём Китае, где благовония не курились, а как известно, где приятно дышать, там приятно смотреть. Поэтому Лижэнь изучал витрины.

Под стёклами слева скучали зажигалки всевозможных форм и размеров, разноцветные ткани и ленты.

Под правыми лежали церемониальные деньги, предметы быта, крошечные домишки и машины – всё это сгорит в дни поминок или другие памятные дни. Сгоревшие предметы материализуются у покойного, сделав его сказочно богатым или обладателем новой машины, желанного особняка. Так живые показывали родственнику, что о нём не забыли.

Синие ведра у витрин облепили белые бабочки. Лишь по жёлтым брюшкам Лижэнь понял, что это ирисы – цветы для щедрых родственников, явившихся на похороны с толстыми конвертами юаней.

В бюро было всё, чтобы не чувствовать себя одиноким на том свете. А чтобы не чувствовать себя одиноким на этом, за спиной старика во всю длину стены располагалась особая полка. Погребальные урны горделиво красовались росписями. Одна с лазурным драконом, оплетающим окружность, так приглянулась Лижэню, что он невольно задумался о вечном.

– Дорос до работы в бюро? – нарушил задумчивость старик.

– Да, господин Пэн!

Пэн почесал затылок, бросил взгляд на помощника в дальнем конце зала.

– Просто Чэн, – мягко произнёс он.

– Х-хорошо, Чэн!

Чэн одобритительно кивнул в сторону помощника, расплылся в фирменной улыбке и деловито продолжил:

– Пэн Чэн, хозяин бюро. Чем могу помочь?

Лижэнь испуганно покосился на посетителя и, стараясь не мешаться, шаркнул к помощнику.

– Бойся, они кусаются! – глупо заржал помощник, пнув дверь, за которой скрывалась лестница на второй этаж.

Лижэнь решил не дожидаться сомнений и побежал по лестнице, споткнулся о собственную тень, но вскочил с такой прытью, будто наверху ждала богиня счастья. Хотя в действительности им двигало лишь нетерпеливое желание стать частью мира из дедушкиных рассказов.

Сигаретный дым прятал людей. Лижэнь прикрыл рот и нос, боясь выплюнуть лёгкие. Он медленно двигался к сгорбленному силуэту.

– Да, да, да... – монотонно повторял тот. А за ним сидел другой, от скуки плюющий в потолок.

Лижэнь ловил каждый звук, каждый стук, сживаясь с причудливой симфонией борцов. Он и не заметил, как перед ним вдруг вырос нежизнерадостный тип.

– Я Юншэн, – протянул он ладонь.

Лижэнь механически протянул руку и почувствовал пренебрежительное прикосновение. «Фе», – подумал Лижэнь и в тот же миг захотел вмазать Юншэну, вызвать на дуэль и потом помочиться на труп.

Лижэнь не слышал бормотания Юншэна – его взгляд приковала живая диковинка. Молодой человек почти не отличался от китайца формой глаз, но волосы! Они были не смоляными, а солнечно-рыжими. Лижэнь впервые видел метиса. Вглядываясь, он гадал, чего же в нём больше западной крови или восточной. Высокие скулы, внушительный греческий нос, мягко очерченные губы, чётко выточенный волевой подбородок – всё это превращало его в аномалию среди китайской обыденности.

Юншэн встряхнул Лижэня и спросил:

– Эй, сопляк, как звать?

Лижэнь вздрогнул, наткнувшись взглядом на клок седины на лысеющей голове – жалкую пародию на гриву Чэна. Вид у Юншэна болезненный: мешки под глазами, как у сердечника, которого вот-вот хватит ударом. Щёки обвислые, да ещё и губы из-за нервов покусаны.

– П-простите! Я нервничаю... Меня зовут Лижэнь, я хочу стать борцом с одиночеством! Комната наполнилась хохотом, от стен отскакивало эхо фраз:

– Хочу стать борцом!

– Меня зовут Лижэнь!

– Я... простите-извините!

– Откройте окно! – рыкнул раскаленный от жары борец.

– И заткнитесь наконец, га-га-га, га-га-га, тьфу! – вклинился другой, на которого все нелепо покосились, и тогда он поднял над головой телефонную трубку и добавил: – Я всё-таки пытаюсь говорить по телефону.

Грохот смеха оборвался. Скрип окна заполнил тишину. В комнате стало жарче, чем было. Чья-то зажигалка громко высекла – чирк-чирк! – и курящий с наслаждением вдохнул отраву, а после бесшумно выдохнул змеевидную струю, укусившую Лижэня за нос.

– Апчхи!

– Не обращай внимания на этих придурков.

Лижэнь растерянно кивнул.

– Меня, кстати, зовут Гари.

Теперь Лижэню чудилось, будто в Гари нет ни капли восточного и уж точно ничего общего с борцами. Гари и ещё один тип выделялись как горы на фоне деревянных домишек.

Лижэнь странно ухмыльнулся, фантазируя, как однажды за чаем расскажет внукам о приключении этих двоих.

– Точно, Чэн говорил, к нам приедет новенький подзаработать на учёбу, – сухо сказал долговязый мужик с беспристрастным лицом.

Все снова засмеялись.

Лижэнь чувствовал себя школьником, который с опозданием явился в класс, да ещё и красным и потным, словно потерял лицо в попытке не опоздать, а всё равно опоздал.

– Напомни-ка, сколько лет ты зарабатываешь на учёбу? – спросил у Гари второй крепкий парень.

– Ммм... бесконечность перерождений?

Снова хохот. Лижэнь чмокал губами, силясь не разрыдаться.

Лижэнь с сестрой рано потеряли родителей. Отец матери, дед Вэйшэн, забрал детей в деревню. На жизнь им хватало, хотя иногда и приходилось обращаться за помощью к соседям и старосте деревни. Те, видя захудалого мальчонку, конечно же помогали, ведь как-никак, он должен продолжить род.

Традиционно в Китае делают ставку на юношу. Ему откладывают деньги на учёбу в университете. Лучшие куски со стола достаются тоже ему. А девочке? Скопить на приданое, выдать замуж да дело с концом. Но тут был исключительный случай. Гуанхуэй выглядела как создание, сотканное из нитей солнца, но забывшее дорогу на небеса.

Вэйшэн не верил, что его дочурка могла породить такое, да ещё и выбрать имя «лучезарная», а потому постоянно приставал к Лижэню:

– Признавайся, вы украли эту девчонку?! Гляди, какая она, а?

Лижэнь спал и видел, что кто-нибудь крадёт Гуанхуэй, и всё же поутру радовался, что этого не происходило. Само солнце не обогревало этот дом, как её улыбка. Она и вправду являлась лучезарной, и Лижэнь быстро смекнул, что к чему.

Дед обещал оплатить учёбу и сделать всё как положено, иначе потеряет лицо. И чтобы не опозорить деда Лижэнь придумал план:

– Дедушка Вэйшэн, отложи треть денег, а я остальное сам заработаю, когда подрасту.

Старик призадумался: а где юнцу заработать-то столько юаней? И всё же на предложение согласился.

Как и все мальчишки в деревне, Лижэнь зарабатывал, чистя конюшню старосты, иногда ходил в районный центр за лекарствами, но этим было не скопить на учёбу.

Лижэнь рос, времени до поступления оставалось меньше и меньше. Вэйшэн рассуждал с соседями:

– Конечно, такой доходяга не годится для работы в бюро, но юани там водятся. К тому же, у мальчонки есть голова на плечах, а таких там единицы.

В один из дней, когда Лижэнь вычистил конюшню старосты и не заработал пяти фэней, Вэйшэн решил рассказать о специфике работы в бюро, проверяя, насколько это интересно юнцу.

Лижэнь влюбился в само словосочетание «похоронное бюро», а когда услышал название «борцы с одиночеством», так вообще нафантазировал себе всякое: отважное и неважное, героическое и постыдное, о чём никогда не будет вспоминать.

А теперь эти самые борцы смеялись над его мечтой. Что-то горделивое, доставшееся от деда, взыграло, и Лижэнь закричал, словно собирался голосом сокрушить врага:

– Я посмеюсь, когда заработаю, а вы и дальше будете торчать в этой дыре!

Кто-то саркастически захолопал, кто-то закудахтал. Однако Лижэнь выглядел внушительно, над ним перестали смеяться.

– Гари, возьми новенького и давайте в больничку за телом, – кивнул в сторону двери долговязый, с телефонной трубкой.

– Но сейчас наша очередь! – жалобно проскулил Юншэн, а затем со злобой комнатной собачки метнул взгляд на другого крепкого парня. – Это ты его подговорил, Шэнли!

Шэнли улыбнулся бы так же издевательски даже будь у Юншэня автомат, а сам он был бы приговорён к расстрелу.

– Пойдем-ка отсюда, – Гари потянул за рукав Лижэня.

Лижэнь оглянулся и увидел, как в недрах комнаты вырос великан, чья голова была увенчана дымчатой короной. Под его суровым взглядом Юншэн скукожился, как жалкая букашечка и заскрежетал что-то под нос. Он скрежетал так долго и неразборчиво, что борцы вновь засмеялись. Тогда-то Лижэнь понял, что они просто так веселятся, чтобы не стухнуть от жары. И всё же, когда смеялись не над ним – было приятно. Сразу захотелось доказать делом, что ему по силам стать борцом с одиночеством. Заслужить уважение. Пусть у него нет: мышц, как у Гари и Шэнли, жёлтых зубов, как у долговязого, или нелепой прядки, как у Юншэня; зато у него есть отлично вращающиеся шестерёнки в голове и сердце, полное энтузиазма.

– Уже убегаете? – поинтересовался Чэн.

– Грузовик на месте? – торопился Гари.

– Нет.

– У конторки обычно один грузовичок, – блеснул знаниями Лижэнь, но его проигнорировали.

– Пожалуйста, большой Чэн, попроси Куна подъехать к больничке.

Чэн, как и любой босс, услышав в свой адрес «большой» так заулыбался, что попросил Гари его воткнуть себе в спину нож, он бы сделал это.

– Конечно-конечно! Не подведи, Лижэнь, – подмигнул Чэн.

Мужчина в дверях прокричал «сумасшедший» вдогонку локомотиву Гари и тут же поперхнулся смехом, увидев крохотный вагончик Лижэня. Состав остановился у велосипедов, караулящих за углом. Солнце ласкало их сталь, шины пухли от скуки, им не терпелось пуститься в дорогу.

– Быстро крутишь педали? – словно угрожая, спросил Гари.

Мальчишки в деревне любили велосипеды, а Лижэнь предпочитал ходить пешком. Скакать на брюзжащем демоне и управляться с ним – то же самое, что укрощать буйвола, – невыполнимая задача.

– Н-нет...

– Тогда запрыгивай и держись крепко, я прокачу тебя с ветерком, детка! – Гари так уверенно сказал это, что Лижэнь очухался, лишь когда осознал, что бюро уже давно позади.

Гари остервенело крутил педали, тербил звонок, метал ругательства с такой скоростью, что Лижэнь не успевал запоминать новые. Он боялся упасть, а потому крепко-накрепко вцепился в багажник. Затем набрался смелости и выглянул из-за спины, чтобы увидеть, как перепуганные велосипедисты разъезжаются в разные стороны. Лижэнь поперхнулся воздухом и едва не свалился, но Гари криком привёл его в чувство.

– Не помирай там! Лучше расскажи, почему тебя зовут по фамилии?

Лижэнь растерялся, ему никто не задавал подобных вопросов. Он пытался понять, шутит ли Гари, ведь для любого, кто видел Лижэня, очевидно: ему не исполнилось и двадцати лет, чтобы выбрать второе имя, которое донесёт до могилы. Имя Чжэнь, означающее «гром», ему не подходило, да и не нравилось, а какое выбрать новое, он ещё не решил.

– Меня зовут Чжэнь, но мне не нравится моё имя... Гари!

– Я оставил имя Гари, в память о покойном отце, – он зарычал, как монстр. – С дороги, а то поубиваю вас всех, нерасторопные мешки с дерьмом!

Крик сменился свистом ветра, Лижэнь на секунду расслабился, но Гари вновь кричал:

– Куда вы её тащите, Лин?

– На экскурсию.

– Да ты издеваешься!

Второй санитар немо наблюдал за перепалкой.

– А ты не издеваешься? Ещё и притащил сюда какую-то вешалку! Что с тобой, кричалка Гари? – подтрунивал Лин.

Внутри Лижэня бурлила злоба. Одно дело, когда «вешалкой» его обзывали: дед, сестра, соседи, староста... Но санитар с тупой мордой! Нет, не сегодня. Лижэнь с минуты на минуту собирался стать борцом с одиночеством, и в своём воображении не мог представить, что Гари или Шэнли стерпели бы подобное. Нужно только сделать вдох, а потом...

– У него есть имя, твою за ногу!

А потом удивиться тому, что Гари не нужен никакой вдох.

– Да! – прикрикнул Лижэнь.

– Ладно, Лин, ответь: почему нельзя забрать девчонку?

Гари, как заправский щипач, выудил пачку сигарет из нагрудного кармана Лина, тот нелепо фыркнул на него.

– Потому что её отец заплатил, а знаешь, кто он? – устало пробурчал Лин.

И тогда Лижэнь понял, что Лин не злобный, а просто смертельно умотался.

– Хватит меня гипнотизировать! Покури, расслабься?

– Я не курю... – стыдливо ответил Лижэнь.

Даже мёртвая вернулась к жизни ради пренебрежительной смешинки «ха-х».

– Это дочь комиссара, – Лин отмахнулся от дыма.

– Шэнли оторвёт руки этому идиоту! – прогремел Гари.

– Да ладно тебе, в первый раз что ли? – злорадствовал Лин.

Гари слез с велосипеда. Он рычал и выдыхал дым, как дракон, не пополнивший коллекцию блестяшек. Он бы взмыл в небо и плевался огнём, если бы не мешались велосипед и Лижэнь, который выглядел как перепуганный щенок. Несколько затяжек и тягостных мгновений спустя на улицу выкатилась толстушка-медсестра и крикнула:

– Девушка умерла!

Борцы переглянулись, улыбнулись и разве что не запрыгали от счастья. Они не слушали, какой там адрес, им было достаточно самого факта. К тому же они находились у машины, которая поедет к телу. Второй санитар кивнул на носилки.

Гари улыбнулся и сказал:

– Мы поедem с вами.

– Тогда заплатишь двойную цену, – пыхтел Лин.

– Да твоя мать не заплатила бы двойную цену! Дам сверху полсотни.

– Он согласен, пойдem, – не дал лишней секунды на размышления второй санитар.

Если бы не носилки, то Лин пожал руку Гари, но вместо этого он одобрительно кивнул.

Гари занёс Лижэня и велосипед, как игрушки в машину. Водитель следил за Гари в зеркало заднего вида, копошившегося, как у себя дома.

– Вы перестали возить волшебные пилюльки? – сдерживал слёзы Гари.

– Повозишь таких, а потом глядишь: пилюльки-то тю-тю!

– Они ими торгуют вчёрную, – пояснил шепотом Гари.

Водитель перестал надзирать, закурил, и замычал развесёлый мотив.

– Ты посиди, а я пойду узнаю адрес и позвоню Чэну.

Гари влетел в холл больницы, не заметив выходящих санитаров. Они поудобнее разместились в машине, а затем вышвырнули велосипед. Лижэнь не успел возмутиться, потому что Лин крикнул водителю:

– Трогай!

Лижэнь схватился за поручень и прокричал:

– Но, Гари!

– Что нам твой жадный Гари? – алчно улыбнулся Лин. – Он предложил жалкий полтинник, а с других я стрясу две, а то и три сотни!

– Но зачем вам понадобился я?

– Для веселья!

Лижэнь не понимал, что в этом весёлого.

Скрипучий смех санитаров не был ответом. Он был оглушительно громким, так что в какой-то момент Лижэнь перестал его вовсе слышать. Он чувствовал себя отрезанным от мира. Крохотным, окруженным стенами собственных мыслей, которые надвигались, оставляя меньше пространства, чтобы думать. Под таким давлением не думалось ни о чем, кроме печально-очевидного.

Минхунь как явление не искоренится, пока живым снятся сны. Особо впечатлительные рассказывали, будто к ним во сне являлся призрак умершего и требовал себе партнёра, чтобы скоротать бесконечность одиночества. И если его не слышали, то с того часа всё шло наперекосяк: половина урожая погибала, скотина помирала, даже молнии били в дома, оставляя после себя пепелища.

И когда казалось, что бедам не будет конца, родственники отваживались устраивать свадьбу для покойных, – ведь, как известно, семейные призраки по ночам в гости не захаживают.

Стены мыслей давили на мозг. Лижэню вспомнился случай, о котором рассказывал дед.

В бюро пришёл новенький, тоже из деревни. Борцы велели ему провести церемонию минхунь, мол, все новенькие так проходят обряд посвящения.

Парень согласился.

Он готовил тела для церемонии, а руки у него дрожали, как на морозе, даже ленты повязать нормально не смог. Всё перепутал: мужчинам вяжут белую на правую руку, а женщинам на левую. Парень жутко нервничал, стоял над мертвецами иступлено пялился, словно в деревеньке не жил, где на заднем дворе схоронить могли. Неожиданно покойница прыгнула на него. Крику было! Проснулся и будущий муж покойной, оказавшийся живым.

Вэйшэн смехом давился, вспоминая, как парень сердце в пятки себе загнал. Его нашли далеко от конторы. Валялся на земле, глаза испуганные, заикался: «П-призрак, п-призрак», – в общем, посвящение прошёл и чудом заикой не остался.

Поэтому Лижэнь думал, что похищение – обряд посвящения. Чтобы он смог гордо носить звание «борец с одиночеством». Не могло же быть такого, чтобы в первый же день он вляпался в такую скверную историю? Но смотря на лица санитаров он не сомневался, что похищение происходило взаправду. А если это правда, то Лижэнь не знал, как выпутаться из этого положения. Он не крепкий, как Шэнли или Гари. Не быковатый, как помощник у двери. Он обычная вешалка для мысли, что это обряд посвящения.

– Это посвящение? – осторожно спросил Лижэнь.

– Это похищение, – как в дурном сне засмеялся водитель и вдавил педаль так, что машина заурчала от удовольствия.

Скорая летела по трассе со скоростью мыслей Лижэня.

«Не может же быть, чтобы меня похитили посреди белого дня? Эта шутка, розыгрыш! Лица, правда, у них на шутовские не похожи, но точно же шутят...»

А Гари?

Как он найдёт эту машину? А если она поедет не по адресу?

Что же мне делать?

А настоящий ли адрес? И зачем меня похищать? Минхунь? Да в Китае что ли мало умирает парней?

А если сказали так: «Нужен похожий на вешалку, выдадим его за нашу доченьку». Дочка там небось размером с бегемота! Кинули клич по Китаю, а жадный до юаней Вэйшэн откликнулся ради Гуанхуэй. Ну конечно же, как иначе!

Вэйшэн такой: «Столько-то юаней», и даже глазом не моргнул. И всё закрутилось...

На велосипеде до больницы меня довезли, показали место, где жизнь закончится. То-то думаю Вэйшэн был уверен, что скоплю на учёбу. А в бюро меня сразу на смех подняли.

И что мне с этим делать? Что мне теперь с этим делать...»

Водитель ударил по тормозам, мысли заглохли.

Обычно, когда появлялась хоть секунда тишины, дед осыпал голову Лижэня рассказами и незаметно время близилось к полуночи. Теперь казалось, что все истории какие-то неинтересные, вымученные, да и словам деда больше не хотелось верить. Тем более, если старик продал под обряд. С другой стороны, если дед не продал, а просто похитили?

Лижэнь беспомощно засмеялся.

– Не рыпайся, – Лин придавил его рукой, но как-то не по злomu, а по-приятельски, будто это всё-таки посвящение.

Санитары вернулись с телом на носилках. Лижэнь никогда не находился так близко к покойнику. Гнилостный запах закрался в ноздри и вытянул из желудка всё, что туда складировалось целое утро.

Лин за шкирку высунул голову Лижэня в задние двери и сказал:

– Понабирают.

– Да ладно тебе. Сигаретку? Ах, да, ты же...

Лижэнь сел подальше от покойника, и когда желудок перестало крутить, захотел заглянуть под простыню. Он видел мёртвых только в деревне и то издали. Второй санитар поймал заинтересованный взгляд и молниеносно сдёрнул простыню.

Лижэня не стошнило. Он пялился на девушку, ведь прежде никогда не видел таких красавиц. Правда пахло от неё не цветочными ароматами, а гниением.

Второй санитар схватил мёртвую за челюсть, как куклу чревовещателя, и принялся говорить загробным голосом:

– Чмокни меня в губки, красавчик! Муа-муа! – другой рукой он схватил Лижэня за загривок. Тот жалко побарахтался из стороны в сторону, но не смог выскользнуть.

Губы девушки оказались в считанных миллиметрах от губ Лижэня. Мир перевернулся. Зазвенело в ушах. Мёртвая и носилки придавили санитаров. Если бы Лижэнь не лежал кверху задом, то непременно бы сам схватил покойную за голову и потребовал поцелуя от санитаря. Лин же требовал от водителя что-нибудь сделать, но старик не понимал, что можно поделаться с перевернутой машиной! Только когда в какофонии криков Лижэнь распознал голос Гари, то стало понятно, почему вообще машина оказалась перевернутой.

Гари орал так, будто вёл несколько разношерстных армий в бой: английский, китайский мат, и Лижэнь не был уверен, русский? Сложно сказать, к какому языку относилось слово «eupatalo», но Лижэню оно так понравилось, что он запомнил его.

Задние двери машины скорой помощи были оторваны двумя чудовищами. Они выволокли санитаров из машины и принялись мудохать ногами.

– Жадные твари! – этой фразой Шэнли сопровождал каждый удар.

– Денег больше захотелось? – брызгал слюной Кун, оставаясь за рулём.

– Амбициозного Лижэня захотели похитить?

Доподлинно не установлено говорил ли Гари всерьёз и говорил ли это вообще.

– Чего валяешься, Лижэнь? Давай, поднимайся, пинай этих уродов по яйцам.

Лижэнь смотрел снизу-вверх на большого злого Шэнли, протянувшего ему руку. Он взялся за неё, почувствовал, как кровь прилила к ногам и дико зарычал.

– Не надо... – молили санитары, пытаясь закрыть область куда пинали борцы.
Лижэнь не слушал их мольбы.

Он пинал их не потому, что хотел сделать больно, хотя жадные до юаней санитары это заслужили. Он пинал их потому, что чувствовал себя худшим внуком в мире. Как он мог подумать такое про дедушку Вэйшэна?

Зеваки-велосипедисты хлопали и смеялись. Примчались стражи закона; казалось, не будь там лишних глаз они бы присоединились бы к избиению.

– Грузим девчонку. Поможешь? – спросил Гари у Лижэня.

Лижэнь почувствовал прилив сил. Ещё бы! Если бы парни не считали его одним из борцов, то не попросили бы о помощи. Борцы удивились силе Лижэня, который сам погрузил девчонку на носилки и затащил в грузовик.

Борцы шутили, но обессиленный Лижэнь их не слышал. Он лежал рядом с покойницей, изучал застывшую бровь.

Уезжая из деревни, он не думал, как скоро соскучится по деду, который всё-таки не продал его. И даже лучезарная сестрёнка казалась ангелом, но не ветхозаветным, сами понимаете, увидь он такого, то через несколько часов непременно поселился бы в одной палате с десятью Наполеонами и не факт, что среди них не нашлось бы настоящего.

И вновь Лижэнь смотрел на дверь бюро. Только теперь он без сомнений открыл её.

Гари похлопал по плечу и спросил:

– Как поездочка?

– Такого посвящения в борцов ещё ни разу же не было, да? – наивно спрашивал Лижэнь.

– Ещё бы! Ты видел, как мы всех подговорили, чтобы ты порадовал старика Вэйшэна? – давился смехом Чэн.

– Посвящение? – закрыв лицо ладонями, смеялся Кун. – Долго же из тебя будет выходить деревенская наивность, парень. Посвящение!

– Да пошли вы! – в сердцах выкрикнул Лижэнь.

– Тише-тише, а то так скоро превратишься в городского, – продолжал Кун.

– Даже больше, так ты станешь похож на борца с одиночеством, – с особой почтительностью произнес Чэн.

Шэнли и Гари потрепали Лижэня по голове. Кун ткнул кулаком в плечо.

Чэн смотрел на борцов, как на собственных детей, но на сердце было беспокойно. Если такое произошло в первый день, то что будет через месяц?

– Грядут перемены... – пророчески изрёк Чэн, а после вернулся за прилавок и уставился на дверь в ожидании нового посетителя.

Модель и Лижэнь

Машины дымились от злости, когда мимо проезжали чёртовы велосипедисты – дзинь-дзинь! – они теребили звонки в попытках спугнуть серость понедельника, с каждым годом становившуюся всё прилипчивее. Они не прекращали, словно от трезвона неоновые вывески зачихают красным и оживят людей, плетущихся по тротуарам к повороту, где их проглотит серость. Лижэнь плыл мимо людского потока. Если его план воплотится в жизнь, он больше никогда не будет бояться этого поворота.

Если.

Ещё вчера холодное дыхание кондиционера щекотало позвонки, а сегодня он, как и все, сломался от жары. Сухофрукт Чэн единственный, на ком не было и бисера пота. Он говорил что-то на языке хозяев бюро, но никто не понимал языка хозяев бюро.

С начала рабочего дня часы отмерили жалкие пять минут. Рыбки в аквариуме конторы мечтали утопиться в кофе. Лижэнь считал, им не стоило заканчивать подобным образом, но мысль утопиться так понравилась, что он отправился воплощать задуманное.

Монеты загрохотали в кишках торгового автомата. Полусонный мираж зашипел, забурлил, рыбки выплыли из конторы, булькая о чём-то своём. «Сигареты сами себя не выкурят», – булькала рыбка по имени Шэнли.

Лижэнь прибился к стае, ведь под козырьком всяко лучше, чем в душной комнатухе. Однако в душной комнатухе не было быковатого Лао, который играл в своём любимом утреннем моноспектакле.

– Какого, чтоб вас, вы выперлись сюда! Вам не курится наверху?

Лао постучал пальцем по циферблату часов, затем метнул взгляд на второй этаж.

Никто не реагировал.

Напитавшись безразличием, Лао навис над Лижэнем и вновь постучал пальцем.

Лижэнь целую неделю репетировал трюк, которому обучил Гари: он вытащил пачку сигарет, щелчком открыл, пригнулся и вытянул одну зубами, дескать – ща покурю, начальник, и пойду.

Сложно сказать, кто задымился первым: асфальт из-за жары или Лао из-за бурлящей злобы, но помощнику босса ничего не оставалось, кроме как цокнуть языком и толкнуть Лижэня в плечо.

– Жалкие лодыри, ну ничего! Настанет день, и вы... – Лао злился, как мультяшка, смешно скидывая руки к небу. Насладившись его придурковатостью, борцы пошли обратно в бюро, остались лишь Лижэнь и Гари.

– Ты как, братишка? – спросил Гари. – Выглядишь как кусок туалетной бумаги.

– Скоро всё будет хорошо, и сам ты туалетная бумага!

– Слушай, если что-то не получается или идёт не так, ну знаешь, как надо, ты можешь поговорить со мной или Шэнли. На худой конец, с Куном.

– Да-да, спасибо, Гари, просто мне уже ничем не помочь, правда. Либо всё получится, либо нет.

– А ты все про ту модель? Просто забей. Всех денег мира не заработаешь, к тому же нереально, чтобы такая красотка подкинулась на кого-нибудь из нас.

У Лижэня задрожали губы. Гари, как старший брат, потрепал его по волосам и отправился в контору.

Рабочий день похудел на тридцать минут. Когти солнца продрались через жалюзи, чтобы содрать кожу с лица. Ещё какой-то идиот включил пышущий жаром кондиционер.

– Кто. Включил. Долбаный. Кондиционер? – злоба Шэнли обещала сварить провинившегося.

– Я думал, ты шутил, а он и вправду не работает, – проскулил Юншэн и выключил кондиционер.

День тёк медленно, как слюна во сне. Прошёл какой-то жалкий часик. В любой другой день – это бы не значило ничего, но не сегодня, когда решалась судьба Лижэня.

Он ждал звонок, который изменит всё.

Трр-трр-трр!

Не этот.

Трр-трр-трр!

И чёрт бы его побрал, не этот!

Трр-трр-трр...

Кофе полоскало горло. Кун принёс обед, которым можно отравить всех врагов Китая. Сколько раз ему говорили – не нужно бегать в ту лавчонку, но он опять сэкономил, чтоб купить сигареты, дешёвые и вонючие, как эта мерзопакостная курица. Ни один соус и специи не пре-

вратят стухшее мясо в свежее, но выбирать не приходилось. Борцы давились на злобу дня, рассчитывая не дотянуть до вечера.

– Когда-нибудь я оторву тебе голову, – угрожал Куну Юншэн.

– Чё-то я не вижу очередь желающих ходить по этой долбаной жаре.

Никто не спорил с Куном.

Лижэнь же спорил сам с собой. Может, он прогадал, поставив всё на красное? Под тяжестью трёх бессонных ночей казалось невозможным вспомнить, что заставило рискнуть: амбиции? богатства? слава? Может, что-то ещё? Неуловимый образ, от которого странно сжималось сердце. У этого образа было имя, но он не мог его услышать из-за протяжного «кудах» курицы, варившейся в желудочном соке.

Воздух подрабатывал наждачкой и под весёлый свист из окна пилил височную кость. Ш-ш-ш. Ш-ш-ш. Ш-ш-ш.

Усталость сжимала горло Лижэня. Тело молило о спасительном сне. Разум то затухал, то загорался идеями, которые под надзором вялотекущего времени терялись в небытие. Лижэнь жалел, что не ухватил ту, от которой всколыхнулись чувства, но что из себя она представляла, уже и не помнил.

Перед глазами проплывали кадры. Следом за ними мелькали обрывки памяти. Всё походило на унылый асфальтовый пляж, а потом произошло нечто прекрасное.

Мир утонул в тишине.

Безмятежность забралась под ногти и приятным теплом расплзлась по телу. Её подруга, непроглядная тьма, – не внушала тревоги, лишь благостное умиротворение.

Это место походило на сказку. Звучали серенады нимф, которые Лижэнь увлеченно слушал. Его, как и раньше, интересовал один вопрос: кто написал эти чувственные слова? Но, как и раньше, он решал, что это неважно.

Важно другое: за годы он научился оставаться неподвижным, спокойным и радостным, несмотря на соблазн отправиться к горизонту, чтобы хоть одним глазком взглянуть на свет, исходящий от нимф.

В этот раз он чувствовал, что за ним наблюдает вечность с серо-голубыми глазами. Он наслаждался её добрым, проникающим в душу взглядом, от которого тьма вокруг чувствовалась отчим домом.

Лижэнь закричал от боли, когда стену дома засверлил убудочный сосед.

Трр-трр-трр! Зачем этот полудурок напугал серо-голубую вечность?

Трр-трр-трр! Он жалел, что не решился дойти до нимф, а взял телефонную трубку.

«Бла-бла-бла» – человек на другом конце провода тараторил и тараторил, а Лижэнь не понимал и единого слова. Он пытался разобраться: сколько часов проспал? Шесть. Всего шесть часов.

«Бла-бла-бла» – хватит ли трёх чашек кофе, чтобы утопить в них полупьяное состояние и начать готовиться к встрече века? Нет. Века – это слишком мелко. Это будет встречей тысячелетия.

«Бла-бла-бла» – никто и никогда не проворачивал подобное.

Лижэнь отвесил себе две звонких пощёчины, чтобы убедиться – это не сон. Говорящий на секунду остановился, словно хотел что-то спросить, но вместо этого продолжил свое злощастное: «Бла-бла-бла».

Лижэнь натянул телефонный провод, чья длина показалась заманчивой. Он несколько раз облизнулся от мысли вздёрнуться.

«Бла-бла-бла» – да сколько можно!?

Гундэж мешал уложиться мысли в голове – Лижэнь станет легендой. О, да! Борцы будут звать его «большой Лижэнь». Пробурчав это под нос, он сбил собеседника: «Большой кто? Моржень? Не понимаю!» – а Лижэнь не хотел ничего объяснять. Он отдался в плен фантазиям.

«Бла-бла-бла» – проклятые часы показывали 4:44¹, и хоть Лижэнь не суеверен, но три четвёрки сразу... Чудо, что этот звонок вообще состоялся.

Две недели назад он поставил всё на красное, рисковал с расчётом, что неудача станет предлогом расплатиться в банке жизни. А теперь? Теперь он переживал, что древнее суеверие разобьёт и без того хрупкую мечту, от исполнения которой отделяло каких-то двенадцать часов.

Ткань арендованного костюма казалась приятной на ощупь и пахла дорогой химчисткой. Чудилось, будто это запах богатства. Лижэнь натирал ткань, словно та исполняла желания, и будь чуть больше времени, может, они бы и сбылись.

«Такой костюм – показатель статуса», – повторял мантру Лижэнь, вспоминая улыбчивое лицо владельца проката костюмов. В зеркале же он видел только вешалку для костюма, но искать другой – трата времени, по крайней мере, так заверял хозяин проката.

«Нужно покупать и подшивать, потому что сложно найти что-то под ваши габариты!» К тому же приближался час триумфа, и время ускоряло ход. Нужно успеть столько сделать, и чтобы не опоздать стать триумфатором, Лижэнь взял в аренду новомодный немецкий автомобиль.

«Такое авто подчёркивает статус человека», – сказал хозяин проката. Лижэнь поверил и ему на слово и не пренебрег советом нанять водителя.

Фары рассеивали серость, проявлялись мириады огней габаритов. Промелькивали проспекты, улочки, прохожие. Впервые Лижэнь подглядывал за ними с этой стороны и даже находил в сердце жалости для их беды. Бедняги до конца времён будут волочиться среди унылых декораций. Завтра, если получится – Лижэнь перестанет быть одним из них.

О, как же его пьянил скорый успех!

Лижэнь светился ярче, чем огни усталого города, и кто такой этот водитель, чтобы ему мешать? Да, эта та же машина, царяшину на которой обещали заполировать неделю назад. Конечно, бывают дни, когда богачам нужно взять в аренду машину, но сколько лет водитель помнил себя – никто из них не походил на вешалку для костюма. Но за деньги, уплаченные фантазёром он даже не расскажет об этом парням из конторы, потому что на заднем сидении бывали убудки постраннее.

От волнения Лижэнь совсем позабыл, какие ей нравились цветы. Продавец советовал розовые розы, которые казались пошлостью, хотя Лижэнь понятия не имел о цветочной пошлости.

Другой, словно на похороны, посоветовал белые лилии.

– Никаких белых цветов, мать твою! – кричал Лижэнь, мысленно благодаря Гари за привитую дерзость.

Продавец извинился и собрал букет красных роз.

Водитель проникся придурковатым счастьем Лижэня:

– Куда едем, босс?

– Навстречу судьбе!

Чем ближе мечта, тем больше сомнений. Лижэнь ёрзал, тяжело дышал, иногда нервно посмеивался. «Какой же я придурок, она не поверит в это представление», – шептал он улицам.

– Всё в порядке, босс?

– В порядке? Да, я по уши в дерьме! Я не так себе всё представлял... Ой, извините...

Вы, конечно же, ни в чём не виноваты... я просто...

– Нервишки шалят? Сигаретку?

¹ Цифра «4» в Китае звучит как слово «смерть», поэтому «4» всячески стараются избегать, например, четвертый этаж пишут, как 3+1

– Спасибо, но может потом?

Лижэнь не знал, настанет ли это потом. Он чувствовал, что с момента покупки цветов всё шло не так, как он нафантазировал. Правда, он не мог вспомнить, что именно нафантазировал? Он нехотя верил глазам: костюм и вправду висел на нем, как на вешалке. Рубашка прилипла, а где это видано, чтобы они прилипали к большим людям? Лоб обжигали капли пота, и даже чёлка непослушно растрепалась.

– Здесь как-то жарко? – пролепетал Лижэнь, и водитель сделал кондиционер холодней.

Теперь Лижэню казалось, что холод убивал его. Губы посинели, как у покойника. Воротник рубашки превратился в тяжелые ручищи, чьи пальцы крепко сжали шею. Воздуха не хватало, но не открывают же большие люди окна! А люк? Он не имел малейшего представления, как открыть чёртов люк. С заднего сидения казалось на приборной панели столько же кнопок, как на пульте управления в космическом центре.

Лижэнь утёр пот рукавом. Провёл пальцами по пластмассовым бороздам на лице, будто они вот-вот расплавятся и прожгут пол. Такое лицо не подходило мужчине богатого образа, оно подходило жалкому мальчонке, прячущему взгляд от собственного отражения. Ещё и производители часов сговорились, чтобы свести с ума: снова эта четвёрка...

Вэйшэн порекомендовал бы лечь на кровать и даже дышать осторожно, словно любое движение способно отнять жизнь.

Лижэня заколотило от холода, но это просто из машины вышел водитель, чтобы встретить модель. В миг перед хлопком двери ветер донёс издали надменный голосок этой богомерзкой, чтоб её за ухо Гуанхуэй.

– Вешалка такой идиот, дедушка! Увидеть столько четвёрок за день и не лечь в кровать в надежде задохнуться?

– Шла бы ты! – крикнул Лижэнь.

Ему хотелось сбежать, но было поздно.

Водитель приоткрыл дверь, оглядел ошалевшего Лижэня, несколько раз кашлянул, чтобы тот утер свои глазёнки, а затем голосом полного благоговения произнёс:

– Госпожа Лиз Эмерсон.

Лижэнь запутался в паутине ресниц над серо-голубыми глазами. Выпутавшись, он провалился в зрачки, где росла бесконечность, пространство которой нехотя сжалось, чтобы оказаться соизмеримым с маленькой песчинкой. Лиз не подала виду, что разочарована китайским миллионером, о котором агент прожужжал все уши:

– Это мать твою, сраный наследник сраной, мать его империй! Как его там, Кэрол? Я плачу тебе жалованье не за возмущения, милочка! Как говоришь? Боже, я не понимаю ни слова! Лиз, напомни мне нанять новую секретаршу? А теперь слушай: когда он на тебе женится, то отец даст ему доступ к банковским счетам и всем фондам. Ты знаешь, какие это деньги? Повтори, Кэрол! Как говоришь, его зовут? Лижэнь, боже, что за... Делай, что должно, Лиз, или возвращайся к своему богатому папочке? То-то же, милочка! Давай-давай, собирай манатки.

Она собрала. Ей не сложно играть роль в спектакле взаимного обмана, а потому она улыбнулась так, что Лижэнь почувствовал себя голым. Чтобы прикрыть наготу, он схватился за цветы и протянул их. Лиз приняла букет и тут же переложила его на переднее сидение. Увидев вырез её декольте, Лижэнь был готов расплатиться в банке жизни.

Лиз села рядом.

Машина тронулась. Лижэнь тронулся из-за Лиз, но он все ещё вёл себя не как наследник миллионов, а как трусливый мальчонка, опасно изучающий отражение в зеркале заднего вида. Её тоненький носик прекрасно сочетался с высокими скулами. Губы походили на закат солнца. Смотря на них, Лижэнь становился суеверным. Он понимал, что четвёрки на часах предрекали не смерть, они обещали новую жизнь, ведь прошлая была жалкой пародией, которая исчезла, когда Лиз впервые улыбнулась.

Всю дорогу до ресторана водитель поглядывал на светящуюся кожу Лиз, и когда их глаза встретились, он содрогнулся от того, как быстро этот свет угас. Внутри Лиз что-то умирало. Впрочем, это не мешало ей играть свою роль.

Водитель наслаждался походкой Лиз, если раньше он не хотел рассказывать парням об очередном задохлике, то не рассказать о самой Лиз Эмерсон – кощунство.

– Дождись меня где-нибудь здесь, – переигрывал с властностью Лижэнь.

Водитель откозырял и произнёс:

– Конечно, босс.

Сколько юаней Лижэнь потратил на этот банкет? На аренду ресторана? На каждую улыбку официанта? Так много, что ему захотелось провалиться под землю, когда Лиз подали первое блюдо.

Лиз – адепт философии «красиво значит вкусно», а когда месиво на тарелке выглядело как кишки, то ни о каком «вкусно» не могло идти и речи. Официант и управляющий с презрением смотрели на гостью.

«Проклятая американка!» – думал про себя каждый, видевший её неуважение, но вместо упрёка китайцы натянуто улыбались. Из-за их кислых рож Лиз захотелось сесть верхом на чемодан и укатиться в сторону аэропорта. Сдался ей этот похожий на вешалку миллионер? Щуплый. Жалкий. Даже голову ему можно взорвать щелчком пальцев. А глазёнки у него какие? Плюс этот хитрый прищур и доброжелательная китайская улыбка, тьфу! В модельном бизнесе девчонки, спящие со всеми ради выгодных контрактов, не вели себя так же, как этот лживый ублюдок.

Глаза Лиз посылали всех, кто туда заглядывал, но её фирменная улыбка трогала их души. Управляющий простил бы Лиз, окажись она японкой.

Официант видел в её улыбке нечто неуловимое, что невозможно описать, лишь трагично наблюдать, ожидая, когда оно исчезнет, оставив воспоминание, которое на старости лет в лабиринтах памяти отыщет тоскующее сердце. Тогда, став стариком, он улыбнется так же, как улыбался Лижэнь осознавший, что с момента встречи с Лиз – он не способен думать ни о чём, кроме её красоты и насмешливого взгляда.

Шестерням в голове Лижэня требовалась смазка. Он предложил Лиз выпить. Она согласилась, ведь хуже быть уже и не могло.

С каждым выпитым стаканом Лижэнь и Лиз становились ближе. Она стала приземлённой, и то, от чего недавно воротила нос – уплетала за обе щеки.

Лижэнь подтирал ей губы салфеткой, говорил комплименты, целовал пальцы, когда играла музыка – кружил в танце, обещая, что на его счёт никогда не иссякнут финансы. В ответ на всё это Лиз звонко смеялась.

Испокон веков в алкогольном океане утопали тысячи надежд. Смотря на красоту, покрывшую людей от Техаса до Берлина, Лижэнь чувствовал колющую боль в груди.

Кто такой этот Лижэнь? Нужен ли он миру, как обворожительная Лиз Эмерсон, чьи глаза пристально смотрели с тысячи обложек и билбордов на брэнную людскую суету? Чей смех своей мелодичностью напоминал покачивание сотен колокольчиков на ветру, мелодия которых трогала сердца своей незатейливой простотой так нежно, что хотелось каяться в грехах? Чьи нежные губы прилипали к фильтру сигареты, а после трепетно выпускали частицу себя в этот грешный мир?

Мрачные мысли одолевали Лижэня.

Демон шептал на ухо, и с каждым словом сердце сильнее изнывало от боли. Как расчётливый и умный парень очаровался какой-то иностранкой? Почему из-за её непостижимой красоты он отказался от мечты? Какого чёрта он вообще делал со своей жизнью? Для человека,

который поставил всё на красное и в случае проигрыша – сведёт счёты с жизнью, он задавался многими вопросами.

– К чёрту жизнь без Лиз Эмерсон! – крикнул Лижэнь. Лиз улыбнулась, потому что всегда улыбалась, когда слышала своё имя.

Лижэнь решил: он отвезет её в аэропорт и посадит на первый же рейс до дома. А что до борцов? Катились бы они все, за исключением Шэнли и Гари. Великолепная Лиз Эмерсон – должна жить, иначе зачем вообще нужен этот мир!

Лижэнь засмеялся так, словно осознал тщетность бытия, а затем преспокойно произнёс:
– Посиди, я сейчас.

Ресторанная дверь громко ударилась об стену. Таким грохотом можно привлечь кого-нибудь на другом конце города, чего уж говорить о двух борцах в машине напротив ресторана.

Лижэнь узнал старика Чэна и быковатого Лао. Борцы друг другу кивнули, что на языке мужчин означало так много, если практически не всё на свете. Вместо того чтобы подойти к ним, Лижэнь зашагал к водителю. Тот внимательно выслушал безумную просьбу и попросил столько юаней, что Лижэнь больше не рассчитывал на завтрашний день.

Он поставил всё на чёрное.

Пульс забарабанил по вискам. Голос в голове кричал: «Какого ляда ты делаешь?!» Лижэнь не хотел отвечать, он хотел удержать равновесие.

– Кажется, наш мальчик перебрал. Присмотри за ним.

– Конечно, Чэн.

Лижэнь направился в ресторан, словно продолжал следовать плану. Чэн и Лао уже слышали хруст юаней, которые заплатит щедрый клиент, когда гениальный план Лижэня удастся. Однако несуразность происходящего, начиная от выбора костюма и заканчивая выбором ресторана – по-прежнему вселяли сомнения. Но у гениев свои методы.

Девушка с обложки влюблённо смотрела на Лижэня. Почувствовав себя рыбка в океане её глаз, он через силу поплыл в противоположную сторону, к управляющему.

Они знакомы с самого детства, когда жизнь не делилась на чёрное или красное, а просто являлась собой. Она была такой простой и понятной, что в глазах старого друга Лижэнь увидел вопрос: разве всё это происходит по-настоящему?

– Дашь ключи от машины?

– Конечно, – с усмешкой ответил управляющий, вспомнив, как Лижэнь боялся велосипеда, но ключи протянул, ведь то было давно в детстве, а теперь Лижэнь сидел рядом с самой Лиз Эмерсон.

Вместо благодарности Лижэнь изобразил глазами нечто среднее между «я попал в передрюгу» и «я попался на крючок» или «я насажу её на свой крючок».

– Куда запропастился мой миллионер? – игриво манила к себе пальчиком Лиз.

– Удачи, – управляющий отправился на кухню, а Лижэнь в сети Лиз.

– Нужно ехать, красавица, я тебе кое-что покажу.

Решив, что Лижэнь говорил на языке любви – Лиз поцеловала его крепко-накрепко стиснутые губы.

– Ну-ну, – прошептала она.

Лижэнь испуганно приоткрыл рот и закрыл глаза. Вспышки сверхновых. Парады планет. Сотворение вселенных. Он познал блаженство всеми органами чувств. Язык Лиз – ловкая змея, проверяющая на прочность каждый кирпичик китайской стены, которая с достоинством выдерживала слюнявый потоп. Рука Лиз схватила и крепко сжала поистине большого Лижэня. Лижэнь сладостно замычал. Больше ничего в мире не имело значения. Оставались только: механические движения её языка и руки. Есть ли в этом мире иное блаженство? Он не знал. Он не знал абсолютно ничего, кроме одного, за что ненавидел себя: Лиз нужно отвезти в аэропорт.

Он оттолкнул её и истово повторил:

– Нужно ехать!

Ни один в мире парень не отказывался от поцелуя Лиз Эмерсон. Лижэнь выдержал злобный взгляд и повторил чуть ласковее:

– Нужно ехать, красавица...

– О, – обронила Лиз, а затем вдарила ему пощёчину.

Официант присвистнул, управляющий засмеялся, а Лиз убежала.

Лижэнь догнал её на лестнице, схватил за плечо и дёрнул на себя. Лиз грациозно прокрутилась и со всей дури влепила ещё одну пощёчину.

Лижэнь заскулил, схватил Лиз за плечи и принялся орать что-то на китайском. Глаза Лиз трещали от презрения, но видя, как пыжился Лижэнь – они наполнились лаской. Подобно валькирии, перебравшей с мёдом, она решила, что терять уже нечего, а потому её губы вновь уткнулись в его.

Лижэнь ненавидел себя за бессилие перед Лиз. Он чувствовал мерзостный вкус водки, обманывая себя, что это тошнотворный вкус любви. Эти проклятые парады планет и сотворения вселенных выбивали почву из-под ног. Руки Лижэня держались за упругие холмы, не дававшие улететь с грешной планеты. Одержав верх в борьбе языков, он принялся истово повторять, что нужно ехать. Лиз устало согласилась. Момент подчинения придал Лижэню уверенности: он шлёпнул Лиз по выпирающему заду, а потом, как малыш, подул на горящую ладонь. Напитавшись ненавистью к себе, он схватил Лиз за запястье и потащил за собой.

На полпути к выходу он одумался и потащил её обратно, ведь идти через главный вход – самоубийство, а вот если спуститься по лестнице на кухню, то, может, всё и получится.

Повара завистливо шептались и показывали недвусмысленные жесты. Ещё бы! Это же Лиз Эмерсон, – личико с билбордов. Держать её за руку – награда, а когда она пихала свои губы в нос, разве Лижэнь мог устоять?

Борцы же не могли стоять напротив ресторана, потому что машина привлекала к себе много внимания, а потому они припарковались у чёрного хода.

– Никогда бы не подумал, что наш Лижэнь будет жрать модель! – давился смехом Лао.

– Молодежь, – посмеивался Чэн.

Отлепив от себя Лиз, Лижэнь проделал комплекс дыхательных упражнений, который всегда помогал собраться с мыслями.

– Что за идиот, – уссывался Лао.

Лиз тоже делала упражнение: разбрасывание непереваженного ужина. Увидев получившиеся полотно, Лижэнь сгустил краски.

– Современно, – с отвращением, не отводя глаз, проворчал Чэн.

– Чтоб вы сдохли, – прохрипел, сплюнув кровь, водитель, валяющийся рядом с машиной Чэна.

Лижэнь заплатил ему, чтобы он спустил колеса машине Чэна, но его заметил Лао. Знай водитель, что его отмудохают до кровавых соплей, то не подписался на это или запросил бы больше юаней.

Лижэнь пристёгивал Лиз и между делом трогал её грудь, словно это происходило случайно. Ей было плевать, она устала разукрашивать асфальт, и, если бы не ремень – проломила головой торпеду.

Лижэнь два раза водил машину, но, сидя за рулем рядом с Лиз, поверил в то, что всё получится. Он настроил зеркало заднего вида, в котором заметил дьявольские глаза Лао. Лижэнь показал ему средний палец.

– Молокосос? – пораженный дерзостью проскрипел Лао.

Лижэнь разбудил дьявола, который не знал, что избрать: бежать за уезжающей машиной или бежать к машине с Чэном? Может, просто стрелять по колесам? О, с какой бы радостью

Лао расстрелял Лижэня, машину и, может, ещё кого-нибудь! Но зеваки докричатся до полицейских, и тогда начнётся паника, а паники Лао не надо.

– Молокосос вздумал поиграть? Поиграем! – прокричал вслед Лао.

Лао не мог нарадоваться, потому что сбывалась фантазия – поучаствовать в погоне.

На больших экранах погоня – стихийное бедствие. Мысль, что Лао станет стихийным бедствием, настолько понравилась, что он даже не спешил к машине. Он еле тащился, насвистывая какую-то безумную мелодию.

– Они же уедут! – возмущался Чэн.

– Никуда они не уедут, – ответил Лао так, что от удовольствия у него скрутило яйца.

Свет неона натянулся багряной лентой, загибающейся на перекрестках, где красавица Лиз демонстрировала Китаю свой внутренний мир. Лао отставал всего на один светофор, но заверял, что переживать не о чем, ведь всё веселье начнётся, когда они окажутся на трассе.

– Всё веселье начнется, когда мы окажемся на трассе! – искрился он безумием.

Чэн схватился за потолочную ручку. Иной раз ему казалось, что машина летела с такой скоростью, будто торопилась обогнать жизнь. Однако Лао не выказывал страха, и только поэтому старик не выпрыгнул на ходу на прошлом перекрестке, когда машина не успела проскочить на светофоре.

Лиз корёжило от злобы, слева сидел урод, который безумно орал. Её глаза слезились не то от вони из пасти Лижэня, не то от обиды, что он лапал её за грудь.

– Никто не имеет права обижать Лиз Эмерсон! – процитировала она какого-то родственника, а затем кинулась с кулаками на Лижэня.

Они едва не угодили в легковушку, которую вёл русский, чей мат услышали аж во Владивостоке. Лижэнь улыбнулся, вновь услышав знакомое ругательство.

– Куда ты меня везёшь? – цеплялась за руль Лиз.

Лижэнь бегло посмотрел на колоссальные груди, затем на обезумевшие глаза и резко ударил Лиз в подбородок. Бедняжка размазалась по сидению, как убогая пьянь.

– Прости, мать твою, прости, Лиз! Но я же хочу спасти тебя, понимаешь? Не надо на меня рычать! Да, я тебя в это втянул, но сам и спасу, понимаешь? Ты ни черта не понимаешь!

Лиз пускала слюни на грудь. Лижэнь тоже пускал слюни, глядя на её груди. Он вскинул голову, как безумный пианист, дико зарычал, отпустил руль, утёр слюни ладонью, а затем выцепил пачку сигарет из сумочки Лиз. Он обезумел от любовного отчаяния, уронил подбородок на грудь, схватился за руль и выкрутил влево, чтобы не превратиться в лепёшку. Затем принялся нащупывать зажигалку между ног Лиз. Там так тепло, что большой Лижэнь уже во все орудия и сам готов дать прикурить. Лиз стонала на языке похоти или боли, Лижэнь не силен в дешифрации пьяных бурчаний, а потому активнее искал зажигалку. Он потерял связь с реальностью и совсем отвлёкся от дороги. Его пальцы дрожали, словно на морозе. Снова и снова. Бурчание и стоны. Если бы Лиз действительно не обронила зажигалку, когда садилась в машину, то эта поездка закончилась у того отбойника. Получив заветную зажигалку и даже больше, Лижэнь вернул контроль над этим грёбаным миром.

Первая в жизни затяжка стала последней.

Кашель не предвещал ничего хорошего, но Лижэнь упорно давился дымом. В момент, когда лоб коснулся руля, он осознал, что не вернул контроль. Наоборот, он будто нарочно хотел, чтобы всё так обернулось, потому что не верил, что улизнёт от Лао.

Скрежет металла. Последнее, о чём жалел Лижэнь, что он больше не сможет касаться Лиз. Его маленькая ручонка попыталась вернуться туда, где самое место зажигалке, но уже поздно.

Курение убивает.

– Идиот, идиот, идиот! – бил по торпеде Чэн.

– Я сейчас, – спокойно произнёс Лао и вышел из машины.

Подобно регулировщику, Лао играючи справился с потоком машин. Он опасливо смотрел на перевернутую машину, боясь, как бы парочка не разбросала мозги. Любопытных глаз становилось больше, и тогда Лао принялся разыгрывать спектакль: он зарыдал, обвинил небеса в жестокости и что те отняли у него брата и невестку. Он молил, заклинал и даже угрожал небу, лишь бы люди не глазели на мёртвые тела, ведь узнай кто-то из них Лиз, то всё: пиши-пропало.

На каких-то впечатлительных театральщина Лао оказала должный эффект, но не на всех. Сложно верить в драму посреди трассы от человека, одетого во всё черное и похожего на стереотипного бандита из кино.

Лао подошёл к машине, шёпотом моля какое-то божество оставить личико Лиз целехоньким.

Шея Лиз сломалась. Из черепной коробки выпирали мозги, но это не страшно, Лао ожидал увидеть худшее. Он приподнял её за склизкие волосы, но голова выскользнула – бам! – вместе с этим ударом сердце Лао ушло в пятки.

Он повторил попытку: намотал волосы на кулак и задумчиво взгляделся в лицо Лиз. Оно покрылось синяками и ссадинами, которые можно скрыть макияжем. Пьяный ангел спал в момент смертельного удара, и только это объясняло, почему её лицо осталось цело. Смотря на него, Лао не понимал, почему Лижэнь попытался её увезти? Красота же навсегда останется запечатлена на снимках, в то время как возраст и её образ жизни рано или поздно отняли бы красоту. Лао даже радовался, что она ушла такой молодой и навечно красивой.

Лижэнь же совсем расклеился. Потерял лицо, разбросал зубы и глаза. Он напоминал тыквенную кашлицу, и если бы Лао не чувствовал на затылке взгляд Чэна, то окунул бы в неё палец, чтобы попробовать на вкус.

Вдали звучали сирены скорой и полиции. Удовлетворенный результатами погони Лао шагал к машине. Они заберут тело из морга, там всё схвачено.

* * *

– Почему этот debil просто не усыпил её и не отвез сыграть свадьбу? – негодовал Юншэн.

– Заказчик просил, чтобы тело погребли рядом с его сыном. Настоящее тело. Именно этой девушки. До конца месяца. Кто платит, тот и заказывает музыку. А где Гари? И ответьте кто-нибудь уже наконец почему он китаец с именем Гари!

– Это надо спрашивать у моих родителей. – сухо ответил Гари.

– Твои родители тебя ненавидели, – уверял Лао.

– Как скажете, босс! Вы пойдете на церемонию? – мерзостно улыбался Гари. Лао хотелось сломать ему челюсть, но он боялся стоящего за ним Шэнли.

– Да, хочется взглянуть на эту красотку ещё разок, на обложке всё-таки не то...

– А где, чёрт возьми, Чэн? – спрашивал Кун.

– Улаживает дела. Иностранка, сами понимаете. После церемонии поговорим.

Никто не верил в улыбку Лао, но у Чэна действительно имелась привычка улаживать дела после громких инцидентов. Лао протянул увесистый конверт Гари, потому что тот близко общался с Лижэнем.

Лао отправился на церемонию минхунь. Обычно присутствовали родственники с обеих сторон, но пришлось отойти от привычного церемониала, ведь тело красавицы добыто нелегально.

Над Лиз хорошенько поработали. Смертная скорбь шла её губам лучше, чем красная помада. В белом одеянии она обрела загадочную утончённость, которой не хватало при жизни. Никому, кроме отца покойного, не было дела до Лао, ведь там такая красивая Лиз. Отец почтенно кивнул Лао, тот кивнул в ответ и отправился восвояси.

Красавица Лиз всего лишь эпизод в жизни, а впереди столько дел.

Нужно подготовиться к переезду и отыскать место, где одиноких мертвецов хватит на всех. По крайней мере, пока всё не уляжется.

* * *

Внутренний голос Гари неустанно шептал: «С такими деньжищами нужно бежать! Беги, чтоб тебя? Или тебе особое предложение нужно? Беги!» – он призадумался, ведь действительно мог позволить себе начать новую жизнь. Правда, ему не хотелось закончить как Лижэнь, поддавшийся роковому искушению.

Чёрный костюм Гари привлекал детишек, которые знали, что подобные дяденьки носят с собой мешок конфет. Смотря на них, он вспоминал, как однажды прожил лето в подобной деревушке и сам смотрел на человека в костюме как на героя, а на самом деле...

Круг жизни обвивал его горло колючей проволокой, дети же обвивали его и дёргали за рукава, требуя конфет.

Маленькие пираньи тупили зубки, Гари шагал к старосте узнать, как пройти к Вэйшэну. Староста попросил излучающую неестественное сияние девочку провести дяденьку. Проворная девчонка скакала по главной дороге, пока не остановилась у ветхого домишки. Её голодные глаза требовали конфет, но те предательски закончились. Девчонка пробурчала что-то на русском, чему научилась у туриста в большом городе. Ошарашенный наглостью и обращением к старшему, Гари забавно рявкнул, и девочка звонко засмеялась и убежала куда-то по своим неотложным делам.

Старый, как иссохший изюм, человек смотрел двумя хрупкими блюдцами на Гари. Он, ничего не говоря, слегка поклонился и протянул конверт с запиской, ни капли не похожим на почерк внука.

Жестом старик указал на стул, и Гари рад бы сбежать, потому что не хотел видеть, как разбиваются стариковские блюдца, но какая-то невидимая сила усадила его.

– Мой внук был выдающимся борцом с одиночеством, работником индустрии смерти или же просто человеком, который влюбился не вовремя. Так пишет большой Лао.

– Да, именно так, – Гари едва сдерживал смех, услышав «большой Лао». Внутренний голос подсказывал, что неспроста этот убудок так написал, но подсказки внутреннего голоса, как показывала недавняя история, – до добра не доводили.

Старик раскурил трубку и пригласил присоединиться. Гари отказался от трубки, но прикурил сигарету, оглянулся и понял, как ему давит на мозг атмосфера этого домишки.

Вэйшэн поистине хитер, ведь скопил порядочную сумму и мог бы себе позволить отличный дом, но вместо этого откладывал каждую монетку, чтобы потом была счастлива Гуанхуэй.

В злосчастной тишине Гари ничего не оставалось, как свалить на старика историю о случившемся.

Вэйшэн слушал, не шевеля и бровью, словно этого и ждал с момента, когда начал рассказывать истории о борцах Лижэню.

– С продажи праха внука уплатите мне треть, – бесстрастно проговорил старик.

Гари дебилно приоткрыл рот и поперхнулся дымом, прежде чем вспомнил, что Вэйшэн был борцом с одиночеством ещё в те времена, когда Гари не родился.

В дверях Гари наткнулся на малышку-пиранью. Тогда он слишком торопился, чтобы подметить, что она красива не по годам. Через несколько лет к ней будут приходиться свататься самые видные мужья, и не исключено, что одним из них будет китаец по имени Гари.

Гуанхуэй испуганно пялилась на открытый конверт, Гари наклонился и крепко обнял её. По глазам Вэйшэна малышка распознала горе, которое способен причинить лишь Лижэнь. Неловкое объятие закончилось. Малышка Гуанхуэй так и осталась стоять, а Гари вывалился на улицу. Он спешил покинуть деревню, чуть ли не бежал, но посчитал, что на него будут смотреть как на идиота, поэтому просто быстро пошёл в сторону станции.

Гари сомневался, что после смерти друга сможет работать борцом с одиночеством. Однако наступает завтра, и солнце восходит над Китаем, борцом с одиночеством по-прежнему работает Гари...

Переезд

За прилавком больше не стоял Пэн Чэн. Посетители не бросали горсть ругательств через плечо. Кто-то стёр брови манекенам и вместо них нарисовал грустные рты. Бюро увядало, становилось похожим на воспоминание, к которому возвращаешься во второй раз: казалось, всё запомнилось совершенно другим, – теми же самыми остались только голоса, доносящиеся со второго этажа.

– Ты что! Издеваешься, насекомое!.. – орал Лао, целясь кулаком в Юншэня.

– П-повтори для непонятливых, – дрожащим голосом переспрашивал Юншэн, прячась за спиной Шэнли.

Лао беспомощно оглянул борцов, тяжело вдохнул, фыркнул в ответ на шакалью улыбку Гари, и в сотый раз повторил:

– Чэн сказал: «Уезжайте, найдите новое местечко, а я пока улажу проблемы, возникшие из-за иностранки».

– Чушь какая-то!

Лао со злобой посмотрел на Куна, который тоже решил спрятаться за Шэнли.

– Чего тебе не нравится, Кун?

– Что старик Чэн с твоих слов говорит, как какой-то герой бульварного романа.

– Точно-точно, – кивал Гари.

– Да и что за паника, будто первая иностранка пропала?

– Не первая. Но знаешь, в чём дело, Шэнли?

– Удиви?

– Знаешь, с кем её видели? Знаешь, кто сидел за рулём долбаной машины?

– Просвети нас, Лао, – ёрзал Юншэн.

В гневе быковатый Лао вселял страх в сердца всех борцов, кроме Шэнли. Но кто такой этот Шэнли?

Он ровесник Гари, но борцам казалось, что он работал в бюро со времён Вэйшэна. В его взгляде и манере держаться жила неумолимая непокорность, словно каждую секунду своего существования он бросал вызов богам. Уверенность Шэнли смущала борцов, ведь все они слышали от старика Чэна фразу: «Не связывайся с Шэнли». Но на практике никто не имел понятия, почему этого не стоило делать. Однако Чэн всегда знал, когда говорил об опасностях, а потому никто не связывался с Шэнли, кроме Гари, завязавшего с ним крепкую дружбу.

– Хм, ты имел в виду Лижэня? – насмешливо спросил Шэнли.

Лао изобразил скорбь на лице и медленно кивнул.

– Он мог стать легендой, – пробормотал Юншэн, а затем вскинул голову к потолку и театрально закричал: – Почему?!

– Да потому что влюбился в ту девку! – уже не скорбя, взревел Лао.

– Оттого, что ты орёшь – ничего не меняется, Лао. Нужно что-то решать, – голос Гари дрожал, но Лао этого не замечал. А вот долговязые братья Пин и Мин это подметили, поэтому решили сместить фокус и заодно повеселиться.

– Повтори-ка ещё? – сиял озорством Пин.

– Ага-ага, повтори-ка, чё там сказал старик? – скалил зубы Мин.

В глазах Лао погибали цивилизации, но вместо того, чтобы стереть братьев с лица земли, он выдавил нервный смешок, а затем перевёл взгляд на Чао, шепчущего:

– Лучше повтори...

– Что ж у вас память такая короткая? Чэн сказал: «Уезжайте, найдите новое местечко, а я пока улажу проблемы, возникшие из-за иностранки».

– Я всё ещё не понимаю, на кой ляд нам уезжать? – возмутился Кун.

– Действительно. Почему бы не закрыть бюро на несколько дней пока всё не уляжется? – поддержал Гари.

– Будто мы так никогда не делали, – вполголоса промолвил Юншэн.

Борцы перевели взгляд на Лао. Он стоял у окна, смотрел вдаль, будто подыскивал нужные слова. Когда тишина затянулась, Лао сказал:

– Если старик велел уезжать, то что мы делаем? Правильно, уезжаем. – Лао развернулся и уставился на торчащую голову Юншэня. – Уезжаем, твою через плечо, Гари!

– Почему он смотрит на меня, когда говорит о тебе? – прошептал Юншэн Гари.

– Не знаю, – усмехнулся Гари.

– Ладно-ладно, не обижайся парень, ты мне нравишься. Просто ты часто разыгрываешь идиота.

– Только он один? – Шэнли обезоружил Лао.

Лао захотелось вытащить из пиджака пистолет и приставить его к башке Шэнли. Вдруг пистолет как ластик сотрёт с его лица непонятно откуда взявшееся чувство превосходства.

Шэнли не шевельнул и бровью, разглядывая мельтешение глаз Лао.

Заговорил Чао:

– Ладно-ладно, парни, хватит ссор! Прежде, чем уезжать, давайте разберёмся, что будем делать с Лижэнем?

– Его старик – близкий друг Чэна, – начал рассуждать вслух Кун.

– Вернём останки старику, разве борцы поступают иначе? – осторожно поддержал Юншэн.

– Какая муха вас укусила? Вэйшэн ждёт долю с продажи, – злился Гари.

– Гари уже отвез деньги, которые заработал Лижэнь, поэтому что делать с его останками – дело десятое, – важно произнёс Лао, как настоящий босс.

– Конечно, босс, ты прав, босс! – пресмыкался Юншэн, наконец-то вышедший из-за спины Шэнли.

– Прости, а повтори-ка ещё раз? Чё там сказал старик? – в один голос спросили Пин и Мин.

Лао истерично захохотал, оглянул братьев и закурил. Он сделал три затяжки, создав дымовую завесу, скрывающую помысел: вышибить мозги двум долдонам. Даже трём. Можно ещё добавить и Шэнли.

Лао сделал ещё три затяжки, чтобы не видеть озадаченные лица борцов. Те последовали его примеру.

Всё скрылось в дыму. Лао, как призрак, появился прямо перед Шэнли и продолжил:

– Чэн, чтоб тебя, сказал: «Уезжайте, найдите новое местечко, а я пока улажу проблемы, возникшие из-за иностранки».

– Предположим, – ухмыльнулся Шэнли.

– Вот и славно! А теперь к делам поважнее? – все уставились на Куна. – Гари все уши прожужжал про сестру Лижэня!

Кто-то с отвращением, а кто-то с любопытством посмотрел на покрасневшего от злости Гари.

– Чё вылупились, ублюдки? Вам хоть картину в музее покажи, вы не сможете оценить её красоты. А я могу, и говорю: нет чище и красивее создания. Без пошлостей говорю – девочка настоящий ангел.

– Ветхозаветный? – подколот Шэнли.

– А Шэнли-то не так прост, – осмелел Юншэн.

– Продолжай, Кун, – Лао помахал на борцов, словно на назойливых мух.
– Так вот... на чём я... Приданого ей хватит.
– А причём здесь переезд? – возмутился Гари.
– Вот именно! «Искать новое местечко» – звучит странно, не находите? – продолжал Кун.
– Ага, и как себе он это представлял? – поддакнул Чао. – Мы что должны ехать к чёрту на рога и шастать за трупами по всем деревням? Старик забыл, что мы кормимся с бюро, а не только с суеверий?

– Действительно. Мы должны взять всё дерьмо отсюда отвезти его в другое место, которое заставим этим же дерьмом, которое никто не будет покупать за такую цену? – Гари засмеялся, представив, как какой-нибудь горе-сценарист впихнул бы эти реплики в американское кино.

– О чём он, чёрт побери?! – взбесился Лао.

– О переезде, твою вдоль и поперёк, Лао!

Шэнли решил повторить «вдоль и поперёк», чтобы опять увидеть, как челюсть Лао дебилно съезжает вправо.

– Твою вдоль и поперёк, Лао! О чём он еще может говорить? О переезде! О цветах на складе. О всём хламе на первом этаже! Ты же не потащишь это на горбу? Сколько цветов у нас погибнет?

– Чего молчишь, ты же у нас счетовод? – Лао навис над Юншэнем.

– А что я? Я должен за каждый цветок отчитываться?

– А кто у нас здесь счетовод? – распаялся Гари.

– А значит так... – Юншэн громко сглотнул. – Ну, говорю, как счетовод. Свечки всякие забрать и благовония – это не проблема. И продать это тоже не проблема. Говорю, как счетовод...

– Ты говоришь, как ссыкуха, – заискивал Пин.

– Где цифры, Юншэн? – поддерживал Мин.

– Дайте ему договорить, – простонал Лао.

– Так вот, говорю, как счетовод. Церемонии дают доход, но не каждая принесёт юаней, как модель с билборда. Понимаете, главный доход: продажа мест на кладбище. А теперь скажите мне, счетоводу! Кто-нибудь из вас знает, через кого старик это всё организовывал?

Борцы неуверенно переглянулись.

– Вот и я не знаю, говорю, как счетовод, – улыбался во всю ширину рта Юншэн.

– И что ты нам прикажешь делать? – устало спросил Чао.

– Юншэн, прикажет? Это моя задача раздавать приказы, – вклинился Лао. – Поэтому, если старик сказал: уезжать, то мы – уезжаем. Уяснил, Чао?

– Уяснил-уяснил, – отбрехивался Чао.

– А чем мы будем заниматься в другом месте, если у нас там ничего нет? Ни тел, ни кладбища, ничего?

– А чем вы заняты здесь, Гари? Поищите тела, наладите поставки... – Лао походил на школьника, который не подготовился, но перед выходом к доске успел прочитать первую фразу.

– Какие поставки? – закипал Шэнли. – Если старик говорит: уезжать. Он же подразумевает спрятаться. На кой ляд нам заниматься налаживанием чего-то на отшибе провинции?

– А чем мы там, по-твоему, должны кормиться, Шэнли?

– Ничем. Сидеть тихо, пока всё не уляжется.

– Шэнли, ты что, не расслышал? Чэн сказал: «Уезжайте, найдите новое местечко, а я пока улажу проблемы, возникшие из-за иностранки».

– Да слышали-слышали. Что ты заладил: уезжайте, местечко? – спрашивал Пин.

– Проблемы, иностранки. Сказал, ага, – хихикнул Мин.

– Да что б вас! Если старик сказал – мы едем. И надо подумать о том, как мы будем зарабатывать. Не разбежаться же нам пока все не уляжется.

– Лао прав, – подытожил Кун.

– Прекрасно! Может, он ещё знает, где открыть такое же бюро? – спросил Юншэн.

Лао закинул голову к потолку. Помычал. Вышел в центр комнаты, чтобы все его видели. Он заглянул в глаза каждому борцу, а затем произнёс лучшую речь в своей жизни.

– Конечно, такое славное бюро мы не откроем ни в одной провинции. Чэн годами выстраивал свою маленькую империю в городе, где столько криминала, что казалось – все ниши заняты. Но ему удалось создать поистине уникальное предприятие и не прогореть. И не сесть, несмотря на законы и борьбу с ритуалами. Конечно, иногда нужно побегать за деньгами... ой, телами, да Гари?

– Ага.

– Побегать по больницам, моргам, знакомым. Мотивировать прохожих бороться с одиночеством, ведь никто не откажется от лишних юаней? У старика ушла на это целая жизнь. И теперь он просит нас отказаться от насиженного места и уехать на край неба! Чьей дочкой была эта иностранка? Президента США? Франции? А... плевать! Чэн – босс. Он сказал – мы делаем.

Лао был великолепен. Покорность легла на плечи борцов. Речь раздавила все возражения, но тут же, как всегда, вылезли новые.

– Лижэнь с самого первого дня мне не нравился, у него на роже было написано: я все обосру, и вот – он всё обосрал!

– Не тьявкой, Юншэн, парень стал легендой, – защищал друга Гари.

– Легендой, вы слышали, легендой? – кривлялся Юншэн.

– Он провернул всё в одиночку. Попроси он помощи, и кто знает? Он привез в Китай модель, и как бы то не было, провёл обряд минхунь. Представь, если бы он остался жив, что бы он ещё придумал? Да мы бы богатели и богатели. Так что сиди и не тьявкой, собачий сын! – даже Шэнли вздрогнул, взглянув на разъяренного Гари.

– Сам ты собачий сын!

– Достаточно! – прикрикнул Лао.

– Ещё подеритесь, – скалился Пин и кивал головой, чтоб они скорее принялись за дело.

– Ставлю всё на Гари! – поддерживал Мин.

– Сколько с этого поднимешь? Тут всё предрешено, лучше давайте так?

Все с интересом уставились на Куна. Он азартно улыбнулся и продолжил:

– Сможет ли Юншэн хотя бы разочек ударить Гари?

– Да скорее солнце прекратит восходить над Китаем, чем это произойдет, – уссывался Чао.

– Достаточно... – никто не обращал внимания на Лао.

Юншэн боялся шелохнуться. Гари облизывался, словно пёс, почувствовавший, что привязь ослабла. Он ждал малейшего движения жертвы, чтобы рвануть и вцепиться ей в глотку. Увидев, как Кун принимал ставки, Юншэн жалобно завизжал:

– Да я не со зла, Гари, это просто шутка...

Все замолкли.

Юншэню казалось, что он в бамбуковой роще, где острые колья с минуты на минуту вонзятся в плоть, а эти алчные ублюдки, учуяв кровь, запищат от счастья. Гари уже чуял кровь. Его грузные шаги сотрясали мир. Даже Лао уступил ему дорогу. Юншэню оставалось уповать на чудо.

– Вы видите, как мигает свет? – с интонацией типичного шизотерика проговорил Чао, понимая, что всё зашло слишком далеко.

– Не начинай... – устало застонал Кун.

«Пожалуйста», – молил глазами Юншэн.

– Ну, сказал один раз: возвращался домой, увидел вдали силуэт женщины. Стоит посреди дороги, руки крест-накрест на груди – мол, не ходи туда! Подошёл ближе, а силуэта и нет! Я перепугался, свернул, а потом узнал, что там машину разбило...

Чао нагнал жути, но это сработало – вся контора трепетала перед его шизотерикой.

– Который раз слышу эту чушь и спрашиваю: как ты увидел, что силуэт указывал, чтобы ты не ходил по дороге? Зажёл сигнальные огни? – заливался смехом Гари, оглядывая Юншэня, который повизгивал, боясь, как бы Гари снова им не занялся.

– Руки крестом были, долдон! Вот так, – сложил руки на груди Чао. – Видишь? Вот так! – из его пасти лилась шизотерическая злость.

– Покури и остынь, парень, и ты остынь, Гари, – Лао протянул сигарету Гари, тот кивнул, затем насмешливо поглядел на трясущегося Юншэня и, как непутевому мальчонке, взъерошил причёску.

– Ага, – поправив причёску, продолжил развивать шизотерическую тему Юншэн. – А в другой раз ты бабку в поле увидал, а когда подошёл, не было там никакой бабки!

– Да-да, а ещё, вернувшись домой, обнаружил, что в холодильнике нету бутылки с газировкой. Полтергейст, у-у-у! – дразнил Мин.

– Нет-нет, парни, вот вы шутите над Чао, а я ему верю. Верю, что нужно быть суеверным идиотом, который не моет руки месяцами, чтобы не смыть удачу, – закашлялся от смеха Кун.

– Ага, а ещё что, чёрная кошка, предвестник голода и нищеты. Помните, как Чао обходил ту улицу? – злорадствовал Гари.

– В Египте считали, что это земное воплощение богини Баст. Увидев её, можно было рассчитывать на... – Шэнли призадумался. – Хотел сказать юани, но в Египте не было юаней.

– А Шэнли-то наш ученый! – подмигивал кому-то Юншэн, но ему никто не подмигивал в ответ.

– Ладно, в мире полно мифов и легенд, но ни одна из них не отвечает на вопрос: дальше-то что делать? Разъезжаться по домам? И действительно пойти учиться, как хотел Лижэнь? Вот и я понятия не имею, но делать что-то надо, – убил веселье Пин.

– Повтори-ка? Что там? – Мин предпринял попытку выдавить из борцов улыбки.

– Даруйте мне силы! Чэн сказал: «Уезжайте, найдите новое местечко, а я пока улажу проблемы, возникшие из-за иностранки», – Лао вновь закурил. – Уясни уже, Мин: найдите новое местечко и уезжайте. Понимаешь?

– Когда ты так это произносишь, то, конечно, понимаю.

Борцы устало оглянули Мина, тот недовольно закатил глаза и покорно склонил голову.

– Спасибо за разрешение, – съязвил Лао. – На чём я остановился?

– Понимаешь, – безжизненный тон Шэнли бесил Лао, но он радушно улыбнулся и кивнул в знак благодарности.

– Да, понимаешь... Понимаешь? Старик точно не имел в виду: найдите местечко под бюро и живите с этим знанием.

Все, кроме Шэнли, произнесли «угу», Лао продолжил:

– Старик точно не имел в виду...

Шэнли перебил Лао.

– Ладно, заместитель босса, он же будущий босс, пока не вернётся наш босс. Что мы будем делать?

Лао не понимал: издевался ли над ним Шэнли или говорил всерьёз? Ещё Гари дебилно лыбился, и сложно понять: нравился ему речевой оборот друга или они просто сговорились издеваться? Разве поймешь этого Гари? Назовут китайца именем Гари и ходи потом думай, родители его идиоты или просто поиздеваться решили, когда увидели уродливого младенца? И почему этот детина оставил себе это имя? А вообще, это его второе имя или первое? Не зовут же его «Гари-Гари»? А если и так, то что из этого следует? А если первое, предполо-

жим, «Гарри», а второе «Гари», то что следует из этого? До этой секунды Лао и не подозревал, насколько сильно ненавидел Гари или наоборот, любил его? Что-что, а работник он отменный, но иной раз казалось, что мозги у него набекрень, потому что смотреть на людей таким диковатым взглядом мог только человек с именем Гари.

– Искать новое местечко и уезжать, – выдохнул Лао.

– Так просто? – не верил Кун.

– А что ты предлагаешь делать, с разбегу тебя, Кун? Улететь на луну?

Борцы устало посмотрели на Лао, как на человека, который должен быть лидером, а не тем, кто затевает передраги.

Лао смутился, опустил глаза в пол и жалобно выговорил:

– Извините, парни... Просто всё так навалилось! Сначала этот легендарный Лижэнь. Ну, посоветуйся ты с нами, чтоб его!

Борцы кивали, как игрушки-собачки на приборной панели.

Лао продолжил:

– Потом старик из-за этого поехал к таким людям, будто грядет дипломатический скандал!

– А какая же она красивая девка была, аж яйца сводит!

Борцы удивились: Юншэнь всё-таки был мужиком.

– По правде говоря, я растерян, – начал Лао. – Я не знаю, куда ехать, как это всё организовать, потому что Чэн сказал... Ну, вы знаете, что он сказал! Мог бы хоть указать, куда поехать.

Вместе с сигаретным дымом в стены конторы въедались мрачные мысли. Борцы рисовали разные сценарии, но у всех, как у одного, самым ужасным оказывался тот, где они возвращались домой, в деревни, к жёнам.

Да, от такого скрутит любого китайца, вкусившего городской жизни. Конечно, борцы могли залечь на дно в каком-нибудь райцентре, но куда бы они не подались – им придётся выгрызть место под солнцем, и это по-прежнему лучше, чем разъезжаться по домам.

– У кого-то есть идеи, борцы? – спросил Лао.

Что-что, а Лао действительно мог стать неплохим лидером. По крайней мере, в это верили Пин, Мин, Юншэн, Чао и сам Лао.

Гари, Шэнли и Кун считали его брехлом. К тому же, они помнили его попытки протолкнуть варварские методы, какими пользовались другие бюро. Похищения, убийства, продажа органов, продажа праха, тел, костей, работорговля, в общем-то, всё это начиналось с обряда минхунь.

– В Сянган? – предложил Юншэн.

– Ты там головкой не стукнулся, маленький? Там и своих людей хватает, – отвечал Чао.

– Смотрите-ка, кто заговорил! – театрально прикрикнул Мин.

В ответ Чао дебилно выпучил нижнюю челюсть, изображая что-то понятное только братьям, которые засмеялись как маленькие школьники.

– Ну, тогда, не знаю, в крупный город? – продолжал Юншэн.

– Когда он молчал, то казался намного умнее, – говорил Гари Чао.

– Раз ты такой умный, то предлагай.

Все посмотрели на Гари, который будто этого и ждал: он обворожительно улыбнулся и кивнул Юншэню.

– Не буду предлагать крупный город. По крайней мере, без старика Чэна. Он долго налаживал связи с общественностью здесь, и мы скорее состаримся, чем сделаем столько же. Да и кто этим будет заниматься?

Лао самоуверенно шагнул вперед.

– Да, все мы в курсе твоих амбиций быть боссом Лао, и полагаю, никто не против?

Борцы как-то вяло кивали. Лао со злобой оглянул их, не кивал лишь Шэнли.

– У тебя с риторикой-то возникают проблемки, а когда дело доходит до деликатных переговоров, то пиши-пропало хватаешься за ствол. Вот как сейчас! Поэтому крупный город отпадает, либо мы что? Выбираем другого лидера? – продолжал Гари.

Борцы с надеждой посмотрели на Шэнли.

– Меня устраивает моя роль, – изливался самодовольством Шэнли.

Роль... Лао стало интересно, а знал ли Чэн о роли Шэнли? Ведь он уверен в себе не просто потому что родился уверенным? Нет. За этим крылось что-то ещё. И с каждой секундой желание разузнать об этом занимало всё больше места в голове Лао.

«Всему своё время», – успокоил себя Лао и принялся оглядывать борцов, пытаясь прикинуть, кого могут выдвинуть на роль босса?

Может, Гари? Нет. Он слишком любит разыгрывать карту дурака, когда та ему с руки, однако Лао не мог вспомнить, когда Гари что-то оказывалось не с руки? К чёрту Гари!

Может, Кун? Кун обсчитывал борцов годами, но надёжней его никого в конторе не было. Если попытаться вспомнить, сколько раз Кун помогал кому-то из борцов, то Лао постареет и, как мудрый старик, прозреет – почему никто не против его мелочных обчётов. Таков Кун. И к чёрту его!

О Юншэне не может идти и речи, он жалкая букашка.

Чао? Нет. Чао не годился на роль босса, как и эти дебилы Пин и Мин. Всё это не то.

Но Шэнли? Он заставлял людей прыгать с моста, как тех бедолаг, на которых пожаловалась его знакомая. Просто знакомая, не девушка, не подруга, а обычная знакомая, которая, на своё счастье, пожаловалась добренькому соседу Шэнли. Говорили, что как-то раз он запер какого-то должника в контейнере в порту, и тот помер с голоду. И почему Шэнли всё сходило с рук? И на кой ляд он стал борцом с одиночеством, а не лидером какой-нибудь группировки, которая захватит криминальный мир? Какие из этих историй правдивы, а не превращены борцами в легенды? Никто ничего не знал, и это пугало Лао.

– Да всех устраивают их роли, а по иерархии помощник босса равен боссу в отсутствие босса... – Чао перебил Гари.

– Гари, пожалуйста, хватит повторять одни и те же слова, словно тут собрались какие-то идиоты!

Гари посмотрел сверху-вниз на Чао, чтобы у того не осталось сомнения: он считал всех идиотами.

– Понимаешь, Чао? Понимаешь, Чао? Понимаешь, Чао?

Чао засмеялся и по-приятельски оттолкнул Гари, тот продолжил:

– Мы здесь решаем, что будет не только с бюро, а со всеми нами. Вернёмся ли мы домой? Поступим ли в институт? Или вернёмся к женам, ну те, у кого они есть? А я чего-то не вижу, что Юншэн горел от нетерпения вернуться к своей? Ты же не хочешь, Юншэн?

– На выходные-то да, отдал юаней – она и рада, но на постоянную... я, что похож на идиота?

– Именно! Даже Юншэн не хочет возвращаться домой, а его жена самая складная из всех, о которых вы рассказывали. Правда Лао?

– Даже не начинай...

В глазах Лао разыгрывалась трагикомедия в двух действиях.

Первое: благоверная пилит его за то, что он забыл снять обувь и тут же полетел на кухню.

Второе: она без зазрения совести произносит реплику:

– Раньше ты смотрел на меня по-другому!

Прежде чем опускается занавес, Лао поясняет для зрителей:

– Раньше она была худой и готовила вкусно, а не какую-то мерзкую стряпню. Прибегая домой, я забывал обо всём, ел от пуза, а потом любовался женою часами. О, как же она была хороша... Теперь же, какие продукты я не приношу: она будто нарочно старается меня отравить, даже рис она делает несъедобным. Но развестись мы не можем, у нас есть ребёнок и обязательства перед родителями, и долги. В особенности долги.

Занавес. Вялые аплодисменты. Лао казался себе жалким, вспоминая о жене.

– Так вот, мы должны определиться, что мы делаем, зачем и почему. И на что мы готовы пойти, чтобы сохранить наш жизненный уклад? – проговорил Гари.

– А никто не хочет, чтобы нашим лидером стал Гари? – насмеялся Лао.

– Ладно, Гари, говори уже, хватит подводить к твоему, полагаю, гениальному предложению, – одобрительно кивнул Кун.

– Это как предложение купить машину скорой и приезжать за телами раньше врачей? – пытался съязвить Юншэн.

– Кстати, неплохая идея. Правда, все машины уже разобрали, но, глядишь, через месяц-другой и получилось бы, – поддерживал друга Шэнли.

– Или как...

– Хватит разыгрывать идиота, предлагай! – не выдержал Лао.

Гари достал сигарету, прокрутил её между пальцев, а после поднял над головой, как указку, требуя внимания.

– Мы возьмём по дротику и бросим в карту Китая.

– Твою за шиворот, не смей бросать в карту дротики! – Лао насмешливо оглядел Юншэня, который походил на маленького злого пекинеса на фоне гориллы Гари.

– Продолжай, – включился в разговор Пин, понимая, что это бесконечное обсуждение наконец-то может закончиться.

– Мы бросим по дротику. Если попадем в крупный город, то сразу же перебросим. В крупный райцентр, где нам ничего не светит – перебросим. Мы будем бросать дротики до тех пор, пока не найдем место, где не будут смеяться над китайцем по имени Гари!

– Все согласны? – спрашивал Лао, словно идея принадлежала ему.

Никто не возражал. Взяв по дротику, борцы отошли на несколько метров от стены.

Лао скомандовал:

– Пли!

Карту Китая пронзили металлические жала. Выбывали провинции, крупные и малые города, райцентры, деревни.

– Когда дротики застрянут в местах, из которых можно выбирать – заканчиваем обстрел, – пояснил увлечшимся борцам Гари.

Спустя десяток минут наконец-то появились варианты.

– У меня жена и родня в соседней деревне, – заворчал Юншэн.

– Опасно там такой бизнес заводить, лучше выбрать другое место...

Никто никогда не видел нервничающего Шэнли, а если такой человек, как Шэнли, нервничал, то лучше держаться от того места подальше.

– Тогда остается это?

Многие из борцов слышали об этом месте, а когда объясняли другим, то они говорили: «Ах, точно... Этот ужас».

– И мы что, действительно поедим туда? – с интонацией шизотерика спрашивал Чао.

– Это всяко лучше, чем сидеть здесь и ждать бог весть чего, – кивал Кун.

– Тогда решено, собираемся, – скомандовал Лао.

Снаружи непроглядный туман ждал момента, когда Гари приоткроет дверь. Туман бесцеремонно протиснулся в бюро, обвинил борцов и заполз в закрома памяти, где укрыл собой

иллюзорность уходящего времени. В сердцах борцов поселилось чувство, будто они уже соскучились по воспоминаниям о бюро, к которым ещё рано возвращаться. Это чувство разливалось теплом по их телам, зная, что через мгновение рассеется туман, и воспоминание порвёт их сердца в клочья.

Нет. В это нельзя поверить!

Невозможно, чтобы глаза обманывали годами, и это место всегда выглядело до тошноты уныло. Ах да, борцы припоминали, что некогда был старик Чэн, вдыхавший в эти стены жизнь. Но в этих воспоминаниях нет и облика старика, лишь отзвук его имени и пустой прилавок, похороненный под слоем пыли, которая неведомым образом заполонила воспоминания. Там и скрылся обшарпанный, потёртый, расчерченный башмаками пол, который никогда не мог сиять тысячей солнц. Там и поселились голые манекены, такие же грустные, как борцы, наблюдавшие, как ускользала эпоха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.